

ными поэтами, ни даже с отцами Церкви («*pop decet tamen ipsos priscis vel mediis dictatoribus comparare*»****): после эпохи отцов красноречие выродилось, и «*medii dictatores*» по своему стилю стали еще дальше от древних, чем были их коллеги в свое время (1,9). Но итальянское красноречие компенсирует упадок красноречия латинского. Есть Боккаччо, есть Петрарка и прежде всего есть Данте, этот великий поэт, с которым никто другой не сравнится ни в науке, ни в поэтической гениальности, причем не только среди современников, но и среди людей античности.

К концу XIV века теологическая оппозиция изящной литературе в Италии ясно проявляется в книге «Ночная роща» («*Lucula noctis*») доминиканца Джованни Доминичи*****. Автор — авторитетный проповедник и даже профессор теологии, но он, будучи во Флоренции, удовлетворяется комментированием Ветхого Завета и Посланий св. Павла. Его «*Lucula noctis*» написана на чистой схоластической латыни в форме обширного «*Quaestio disputata*»: в первых двенадцати главах высказываются различные возражения, в главах 13—17 даются решения, а главы 18—42 содержат ответы на возражения. Нет ничего более ясного и простого, чем позиция автора. Это позиция монаха, который не знает других проблем, кроме проблемы спасения. Все, что не является необходимым для спасения, составляет препятствие для него: если Х не необходим для спасения, значит Х — препятствие для него. В самом деле, каждое существо стремится к своей конечной цели и к своему счастью, но большая часть людей ошибается в выборе пути, тогда как христианин идет по верному пути прямо, направляемый любовью. Таким образом, христианская жизнь совершенна: «*vita Christianorum est vita perfecta*»; то, что воспринимается извне, может лишь разрушить совершенство, а поскольку сочинения язычников как раз обладают этим свойством, то нужно запретить их чтение. Ничто так не возмущает Доминичи, как вид детей или

555

1. Возвращение литературы в Италии

молодых людей, читающих «Цицерона и Вергилия, Гомера, Аристотеля и Сенеку, — они просят у них хлеба и остаются с пустыми руками». Неудивительно, что Доминичи смешивает поэтов и философов: он знает только две категории людей — христианин и язычник: «*Jam hie dico philosophiam, seu saeculares litteras voco, quas Ethnici sive saeculares homines ut communiter invenisse creduntur*»*. Его глобальная оппозиция к язычеству и одновременно — к ораторам и поэтам доходит даже до схоластической теологии. Что до него самого, то собственная «*prima philosophia*» Доминичи, которую он спокойно называет «*philosophia catholica*», попросту извлечена из Библии. Несомненно, пример «*De doctrina Christiana*» Августина показывает, что нужно писать книги, необходимые для объяснения Священного Писания, но к тому времени их уже написали и теперь нужно только их читать. В нашем распоряжении находятся сочинения Боэция, Исидора**, Рихарда Сен-Викторского, Альберта Великого, Фомы Аквинского, Бартоломео Английского и огромный «*Speculum*» Винченца из Бове. Что же нам еще нужно? Будем читать эти книги, но сперва прочтем Библию, вспоминая известный стих: «*latet anguis in herba*»***. Итак, Доминичи цитирует Вергилия только для того, чтобы предупредить нас, что Змей прячется в траве св. Фомы Аквинского. Ясно видно, что это простой человек, мечтающий о мире, где вера будет наконец царить во всех душах, и потому не будет необходимости ни в поэзии, ни в красноречии; тогда нужно будет оставить лишь некоторые части свободных искусств, а все остальное спокойно уничтожить: «*reliqua omnis philosophia esset delenda*»****. Враждебность Доминичи к литературе и знанию носила по самому своему существу монастырский и монашеский характер. Эту ее черту